

ЕСЛИ СРАВНИТЬ С «РОМАНЬОЛОЙ»...

Зарубежные пьесы на сцене театра им. Пушкина

Встреча с каждым новым театром — праздник не только потому, что на афишах появляются названия неизвестных нам пьес, но прежде всего потому, что мы знакомимся с художниками, по-новому раскрывающими возможности сценического искусства. Это чувство радостного открытия сопровождается зрителей на многих спектаклях театра им. А. С. Пушкина.

Творческие лица наших гостей определяют, в первую очередь, постановки нар. арт. РСФСР Б. И. Равенских. Его спектакли «Подвигая целина», «Романьола», «День рождения Терезы» — верительные грамоты театра. И когда некоторые из пушкинцев жалуются, что им трудно играть в таком огромном театре, как наш оперный («Не театр, а стадион»), мне невольно хочется им не поверить. В самом деле, когда на спектакле «Романьола» вдруг всыхивает во всю гигантскую сцену красное зрело бомбежки или во время бешеного танца Гарденги и Чечилии полыхают каннито космическис цветы, то невольно приходит в голову, что именно такой размах, такой огромный зал — в духе искусства Равенских, искусства монументального, масштабного, романтического. И, напротив, когда мы смотрим в помещениях театра оперетты «Исповедь врача» или «Деревья умирают стоя», нам начинает казаться, что в этом здании театр какой-то другой, вторичный.

Конечно, наличие двух столь разных сценических площадок для театра — случайность. Но она неожиданно отражает разностность спектаклей московских.

Разностность — явление, присущее многим театрам страны. Она стала для нас вполне привычной и даже кажется теперь закономерной. В самом деле, рассуждаем мы, почему бы в стенах одного театра не соревноваться разным творческим манерам? Почему бы актерам не пробовать себя не только в разноплановых ролях, но и в различных стилях игры?

Но, когда мы встречаемся с работами выдающихся художника, с присущей ему волей и темперамен-

том диктующим нам свои вкусы и творческие пристрастия, мы попадаем под его власть и невольно начинаем судить с его собственных позиций все то, что осуществляется в руководимом им театре. И тогда такой спектакль, как «Деревья умирают стоя», вполне приемлемый в другом театре, начинает казаться здесь чем-то чужеродным, как будто в нем не хватает дыхания. Что делать, в этом «виновата», может быть, «Романьола»...

А ведь в «Романьоле» Луиджи Скуарцини драматургический материал менее интересен, да и сюжетная коллизия немудрящая (любовь двух итальянцев — Микеле и Чечилии да интриги графа Гарденги, преследующего своей любовью девушку). Но мастерство постановщика настолько велико, что через призму простенькой истории преломляется трагедия простых людей Италии в период фашизма.

Вот пожилой крестьянин приносит ошеломляющую новость: «Мы объявили войну России». «Как?» — спрашивает Микеле. «Всея России?». И над широкой панорамой скалистых гор Италии откуда-то из дальних далей вдруг доносится раздольная, могучая русская песня. В ней слышится голос всей России — неведомой для итальянцев, полной какой-то таинственной силы и несокрушимой человечности.

Этот финал первого акта глубоко потрясает. Он заставляет задуматься о трагической судьбе народов.

И столь же монументален конец спектакля. Чечилия (арт. Т. Лякина) становится виновницей смерти любимого. Пуля народных мстителей должна за это поразить ее. По пьесе это просто расплата. В спектакле — это великое, всечеловеческое возмездие за слабость духа, за нестойкость в любви, за утрату доверия. Последний отчаянный танец Чечилии, и вот уже двое лежат недалеко друг от друга, навсегда соединившиеся в смерти. Двое на тысячу и тысячу жертв, принесенных Италией фашизму.

Чувство большой человеческой потери, глубокий нравственный

урок, который как-то не укладывается в общепринятые фразы, уносим мы с собой со спектакля «Романьола». И еще — звучащую в нашей памяти прекрасную музыку (композитор Э. Колмановский). Музыку, укрупняющую переживания героев, возникающую в моменты душевных переломов, превращающую спектакль в песню.

К сожалению, мы не можем этого сказать о музыке в спектакле «Исповедь врача». Там она звучит не всегда и месту, кое-где не усиливает, а разрушает иллюзию жизни, порой раздражает своей сентиментальностью. Лишний пример, как один и тот же прием может оказаться и художественно неотразимым, и просто назойливым.

Иллюстративны в «Исповеди

ГАСТРОЛИ

врача» и танцы в отличие от «Романьолы», где каждый танец говорит нам так много совсем без слов. Достаточно вспомнить два танца Чечилии и Микеле. Крупный, грубоватый Микеле (арт. Л. Марков) осторожно держит своими большими, натруженными руками талию легкой и тонкой девушки. Этот танец — признание в любви. И тот же танец в последнем акте: танец — горестное воспоминание и одновременно прощание. И уже нет жизни в этих больших руках, на одной из которых сверкает обручальный перстень. Микеле женится на другой...

В театре им. Пушкина любят пьесы с драматическим финалом. Смерть, кажется, витает над теми, кто мы успеваем полюбить. Что ж, театр вправе выбирать пьесы, глубоко волнующие зрителя. Тем более, что сама смерть трагически нередко как героический итог жизни, как призыв к живущим — быть достойными тех, кто пал в суровой борьбе за справедливость.

Даже случайная, негероическая смерть жены заставляет героя пьесы «Исповедь врача» с исключительной остротой вспомнить всю прожитую с ней жизнь, преодолеть в себе мелкое, эгоистическое, постигнуть значение слова «мы» и

посвятить себя целиком служению людям.

Поначалу Тома (арт. А. И. Кочетков) кажется мужиковатым, суровым, малопривлекательным. Но постепенно ум и воля этого человека, его искреннее, страстное чувство к жене, его беспощадная открытость в исповеди покоряют зрителя.

Мы видели А. Кочеткова в трех совершенно разных ролях — в роли постоянно рисующегося графа Гарденги в «Романьоле», беспредельно преданного революции Нагульнова и, наконец, врача — интеллигента из народа, всего добившегося в жизни собственным трудом. Артист каждый раз полностью перевоплощается в образ и в то же время везде остается самим собой — страстным, энергичным, целеустремленным.

Тома и Нели (в исполнении обаятельной и искренней актрисы Т. Лякиной) — вот на ком, по существу, держится спектакль «Исповедь врача». Отчасти повинен в этом автор — румынский драматург Х. Довинеску, не давший исследователя. Но доля вины лежит и на режиссере С. И. Аннапольской. Даже такому опытному актеру, как Ю. Горобец (Фрыну), явно нечего делать в спектакле. Особенно слабо решены массовые сцены: мы не верим в достоверность изображенных здесь невежественных обитателей поселка, враждебно встретивших нового врача и его жену. Конфликт с окружающей средой обмелчен и только столкновение двух главных героев между собой подано крупно и сильно — в стиле театра.

Для спектаклей наших гостей характерно своеобразное и остро театральное оформление, столь же важное для воплощения режиссерского замысла, как музыка и свет (художник по свету Г. К. Самойлов). Художники не дают нам забыть, что мы в театре, напротив, они подчеркивают это и подчиняют оформление главной цели — укрупнить актера, сделать его максимально выразительным.

Поэтому кажутся неожиданными здесь добротные, старомодные пиллоны в спектакле «Деревья умирают

стоя». Мы видели оформление этого спектакля в театре Н. И. Акимова. Какая легкость, изящество, размах! Здесь же все плотно уставлено мебелью, и кажется, мягкий ковер, постеленный во всю ширину сцены, скрадывает не только звук шагов, но и силу голоса, и внутренний накал.

Будем объективны: спектакль сыгран мастерски, особенно хорошо Бабушка в исполнении нар. арт. РСФСР Л. А. Скопиной — мудрая, добрая, прекрасная в своей старческой красоте. В спектакле четко выявлена глаяная мысль: нельзя играть с человеческими чувствами, не нужно обманывать людей прекрасными иллюзиями; самое дорогое в жизни — это искренность, способность любить и во имя любви делать добро.

Но, наверное, этим не исчерпывается смысл пьесы Alexandro Насоны. Деревья умирают стоя... Великая сила человеческой гордости и справедливости, торжествующая над смертью, смиряющая самого злого и низменного человека. Сейчас Бабушка побеждает преступного внука своим благородством и человечностью. А хотелось бы увидеть несокрушимую гордость и волю — победу могучего характера. Этого в спектакле нет.

Пушкинцы любят не только драму. «Джентльмены из Чинаго» В. Хента и Ч. Макаурта — комедия. Режиссер Д. А. Вурос поставил ее с неистощимой юмористической выдумкой. Большинство актеров легко и свободно «работают» в комедийной манере. Особенно хорошо Л. Марков в роли репортера Хенди Джонсона — великолепный характерный актер. Жаль лишь, что пьеса слишком наивна, ее нелегко спасти и интересным постановщиком, и не менее интересным исполнителям.

Вернемся к началу. Встреча с театром Б. И. Равенских — событие, которое оставит след в жизни нашего города надолго. Этот театр, как всякий творчески развивающийся коллектив, сегодня уже не тот, что был вчера, а завтра он будет иным, чем сегодня. Мы рады этому театру сейчас. Мы ждем его к нам в гости и завтра!

ЮРИЙ ПОСТНОВ.



На снимке: сцена из спектакля «Романьола», Чечилия Борги — Т. ЛЯКИНА, Микеле Фоскини — Л. МАРКОВ. Фото Н. Соничевой.